

БЕЛОЗЕРСКАЯ УСТАВНАЯ ГРАМОТА 1488 г. И ВОПРОСЫ НАМЕСТНИЧЬЕГО СУДА

Белозерская уставная грамота (март 1488 г.) — первый законодательный памятник Русского централизованного государства.¹ Уже одно это обстоятельство привлекает к ней внимание исследователя. Но значение Грамоты не только в ее, так сказать, «первородстве». Содержание Грамоты представляет большой интерес для изучения самых разных аспектов политической и социально-экономической истории Русской земли в первые десятилетия ее государственного возрождения.

Единственный список Белозерской уставной грамоты, хранящийся в архиве ЛОИИ СССР, не дает палеографических оснований для выделения статей или других составных частей текста. Вслед за М. Ф. Владимирским-Будановым ее публикаторы делят памятник на 23 статьи по чисто логическим признакам. Деление это не вызывает особых возражений, хотя оно и не бесспорно (можно предложить и альтернативный вариант, основанный также на логическом осмыслении текста). Во всяком случае в тексте Грамоты довольно четко просматриваются тематические разделы. Преамбула определяет адресата грамоты: она имеет в виду «горожан, становых людей и волостных всех белозерцев», т. е. в принципе все население Белозерской земли. Хотя в преамбуле не названы специально вотчинники, светские и церковные, из дальнейшего содержания грамоты вытекает, что они также входят в состав «всех белозерцев».

Первый раздел Грамоты (ст. 1—6) посвящен наместнику и его людям: устанавливаются размеры кормов и поборов наместника, тиуна и доводчика (отдаленным предшественником этих норм является Покои вирный Русской Правды) (ст. 2), состав наместничьего аппарата управления (ст. 3), порядок поездок доводчика по его стану (ст. 4), сроки смены тиуна и доводчика (ст. 5), порядок взимания кормов и поборов с местного населения (это делают только сотские, а не сам наместник и его люди) и передачи их наместнику и его людям (только в городе два раза в год) (ст. 4, 6).

Следующий раздел (ст. 7, 8) трактует о торговых пошлинах и об общих правилах торговли. Особый интерес представляет ст. 8. Она фактически отменяет торговые иммунитеты монастырей, как иногородних («Московские земли, и Тверьские, и Новгородские земли»), так и местных (Кирилова, «Фарафонтьева») и вообще «всех белозерских монастырей». Отныне они могут торговать только в самом го-

¹ Новейшие издания см.: Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 191—199; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1964. Т. III. № 22. С. 38—41 (далее: АСВР); Памятники русского права / Под ред. А. А. Зимина. М., 1955. Вып. III. С. 170—174. — Далее ПРП. Новейшую литературу см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2. С. 33—34.

роде Белоозере и в волости Угле, а отнюдь не ездить «за озеро», «по волостем и по монастырем белозерским» под угрозой большого штрафа, конфискации товара и суда великого князя. Право ездить торговать «за озеро», в волостях Белозерской земли, предоставляется теперь только «городьским людем белозерьским посажаном» и становится отныне их привилегией.

Третий раздел Грамоты посвящен судебным наказаниям и пошлинам. Этот раздел завершается ст. 19, устанавливающей общий порядок суда наместника и его тиуна.

Четвертый раздел (ст. 20, 21) включает обычные в княжеских жалованных грамотах нормы, охраняющие местное население от произвола наместничьих людей (им «на пир и на братчину незваным не ходити») и приезжих ездоков (они «кормов и подвод и проводников и сторожов не емлют»).

Заключительный раздел (ст. 22, 23) устанавливает правила вызова белозерцев на суд на Москву (один срок в году) и порядок обжалования неправомερных действий («обид») наместника и его людей.

Итак, Грамота подробно регламентирует судебно-административную деятельность наместника, существенно ограничивает феодальные иммунитеты, устанавливает сословные привилегии горожан, формулирует определенные гарантии прав местного населения. По существу своему Белозерская уставная грамота открывает целую эпоху в истории русского законодательства — эпоху формирования правовых основ нового централизованного государства.

Каждое из перечисленных положений Грамоты заслуживает внимательного изучения. Предметом настоящей статьи служит только одно из этих положений.

«А наместником нашим и их тиуном без сотцков и без добрых людей не судити суд» (ст. 19), — так формулируется норма об обязательном участии представителей местного населения в судебной деятельности наместника.

И. Д. Беляев, подходя к ней с точки зрения истории крестьянства, увидел в ней утверждение исконных прав крестьянской общины и доказательство гражданской свободы и дееспособности крестьян.² М. Ф. Владимирский-Буданов считал представителей населения в наместничьем суде «остатком древнего участия в суде целой общины».³ При своем более широком взгляде на вещи Ф. М. Дмитриев не подвергал сомнению народное происхождение судных мужей. Они гораздо старше «первых узаконений», официальным признанием их в Белозерской уставной грамоте, а затем в Судебнике «обеспечен был древний народный обычай», в судных мужах можно видеть зародыш суда присяжных.⁴ По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, «на Белом озере в XV веке мирское самоуправление

² Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. 4-е изд. М., 1903. С. 54—55.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1905. С. 652.

⁴ Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 41 и след.

сохраняло вполне свое древнее значение главной опоры государственного порядка». Выдавая Белозерскую грамоту, правительство Ивана III стремилось «не укрепить власть наместника, а оградить население от его злоупотреблений властью».⁵ Но ст. 19 не была новостью: «... наша волостная община удельного времени, совершенно так же как немецкая средневековая община, участвует в высшем суде наместника чрез своих выборных представителей».⁶

В советской историографии Л. В. Черелнин увидел в норме ст. 19 (соответствующей ст. 38 Судебника) стремление «феодального правительства использовать в наместничьем суде представителей местной администрации... и верхушку посадских людей и черного крестьянства... превратив эти органы в одно из звеньев аппарата управления».⁷ В комментарии к ст. 19 в издании «Памятников русского права» под редакцией А. А. Зимина появление института «добрых людей» или «судных мужей» расценивается как «закономерный этап в общем процессе развития и укрепления государственной власти», «стремление правительства к ограничению произвола кормленщиков... совпадало с чаяниями основной массы класса феодалов — дворян», а также верхушки посада и черносошного крестьянства. Комментарий скептически относится к попыткам «буржуазных ученых» «доказать, что в наместничьем суде принимали участие рядовые члены общины».⁸ В комментарии А. Г. Поляка к ст. 38 Судебника подчеркивается чрезвычайная важность участия в деятельности наместников дворского, старост и «лутчих людей». Вслед за Л. В. Черепниным и в духе историографии 40—50-х гг. XX в. А. Г. Поляк видит в этой норме главным образом отражение политики, направленной «к укреплению позиций дворянства и к ограничению своеволия боярства».⁹

Новейший комментатор Б. И. Виленский подходит к норме ст. 19 примерно с тех же позиций. По его мнению, законодатель вводит эту норму, «стремясь не допустить (злоупотреблений кормленщиков. — Ю. А.). . . а также завоевать популярность у местных феодалов». В то же время он считает норму ст. 19 «предвестником появления... сословно-представительной монархии».¹⁰ В отличие от этого С. И. Штамм в своем комментарии к ст. 38 Судебника отмечает, что участие представителей общины в суде — обычай, который был только закреплен в ст. 19.¹¹

Итак, по основному вопросу, сформулированному нами, единого мнения в историографии нет, хотя большинство новейших исследователей склонно считать норму ст. 19 законодательной новеллой, отражающей определенную — продворянскую — социальную политику правительства.

⁵ Паслов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 77.

⁶ Там же. С. 51.

⁷ Судебники XV—XVI вв. М., 1952. С. 78.

⁸ ПРП. Вып. III. С. 217.

⁹ Там же. С. 394.

¹⁰ Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. С. 199.

¹¹ Там же. С. 82.

Существовала ли эта норма раньше? Русская Правда не содержит никаких указаний на то, как должен происходить суд на местах. «О мужах на суде» не говорят и известные на Руси юридические сборники смешанного состава — Кормчие книги и Мерила праведные, включавшие нормы византийского, южнославянского и собственно русского права. В частности, ни переводы Эклоги и Прохирона, ни Закон Судный Людем во всех его редакциях, ни «Книги законные» (включившие в себя ряд византийских памятников) ничего не говорят о порядке суда наместника и волостеля. Молчит об этом и Правосудие митрополичье — компилятивный памятник, восходящий, по-видимому, к концу XIV в. Княжеские докончания и жалованные грамоты XIV—XV вв., говоря о «местном» суде, имеют в виду суд, осуществляемый представителями княжеской власти и власти феодала — иммунитета. Согласно этим грамотам, суд на местах судят наместники и волостели, иногда с участием приказчика иммунитета. Но как происходит этот суд, кто на нем присутствует — об этом грамоты молчат. В докончании великого князя Василия Васильевича и Дмитрия Шемяки (1441—1442 гг.) устанавливается: «А суд нам держати межн своих вотчин по старине. . . А о чем. . . Судьи наши спрутся, ине зовут на третей, а берут себе третьего ис твоих бояр великого князя, а из моих бояр болшего боярина».¹² Аналогичные статьи есть и в других межкняжеских докончаниях. В древнейшей жалованной грамоте Троицкому монастырю (1411 г.) великий князь Василий Дмитриевич определяет: «А смешается суд. . . с углечаны, и наместник мой судит, а Никон игумен с ним или кому прикажет».¹³ В 1461 г. князь Юрий Васильевич пишет: «А случитца суд местной, волостели мой и их тиуни судят, а игумен с ними ж судит или его приказчик»,¹⁴ о судных мужах опять же ничего нет.

Псковская судная грамота посвящает наместнику и суду на местах несколько своих статей (по обычному делению ст. 5, 34, 48), однако они не содержат никакой регламентации такого суда. Тем не менее Псковская судная грамота в отличие от всех перечисленных выше памятников знает судебные функции сотского — по ст. 20 на него (наряду с князем и посадником) возлагается предварительное следствие в делах о бое и грабеже. Сотский Псковской судной грамоты — активно действующий представитель местной власти, отнюдь не чуждый судебной деятельности.

Новгородское право вообще знает крупную роль сотского. Так, в древнейшей договорной грамоте с князем Ярославом Ярославичем сотские названы в составе новгородских властей после тысяцкого и впереди «всех старейших».¹⁵ Устав «о церковных сужех и о людех и о мерилах торговых», приписываемый князю Всеволоду Мстисла-

¹² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

¹³ АСВР. М., 1952. Т. I. № 29. С. 40—41.

¹⁴ Там же. № 291. С. 207 — Подобная же статья есть во всех других княжеских жалованных грамотах.

¹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. № 1. С. 9. — Далее: ГНП.

вичу, но содержащий следы позднейших (XIII—XIV вв.) поновлений, также относит сотских к верхушке новгородской городской общины: сам Устав выдан после совещания князя «с десятиями сочскими» (а также с владыкой и старостами). На сотских возлагается обязанность совместно с владыками «дом святей Софии . . . строити», десяти «сочским» приказаны «все дела», связанные с соблюдением Устава.¹⁶ Отсюда можно сделать вывод, что новгородские сотские, по крайней мере в XIII—XIV вв., принадлежали к верхнему слою республиканской администрации. В Новгородской земле сотские известны не только в городе, но и в селе. Договорная грамота 1471 г. с королем Казимиром оценивает жизнь сельского сотского вдвое выше, чем обыкновенного сельчанина (полтина = 108 новгородским деньгам против 4 гривен = 56 деньгам).¹⁷

Особое значение для нашей темы имеет статья Коростынского докончания 1471 г.: «А сотским и рядовичем безо князей великих наместника и без посадника не судити нигде».¹⁸ Эта статья, единственная в новгородско-княжеских докончаниях, приоткрывает завесу над судебной деятельностью новгородского сотского. Из запрета, содержащегося в статье, вытекает, что на самом-то деле сотский судил суд, и притом без участия (до сих пор) великокняжеского наместника (менее вероятно, что нововведением в таком суде является и участие посадника). Суд на местах в Новгородской земле (а может быть, суд первой инстанции и в самом Новгороде) — прерогатива сотского. Но кто такие «рядовичи»? По Новгородской судной грамоте, «от конца, или от улицы, или от ста и от ряду итти ятцом двема человеком, а иным на пособье не ити к суду, ни к росказу» (ст. 42).¹⁹ Значит, «ряд» — это административно-территориальная единица, меньшая, чем улица и чем сотня. Может быть, эти-то «ятцы» по два от ряда и были теми «рядовичами», с которыми судил сотский? Во всяком случае рассматриваемая нами статья Коростынского докончания (по нумерации, принятой в издании А. А. Зимина, 27-я) является как бы негативным отпечатком ст. 19 Белозерской уставной грамоты. Если Коростынская грамота подчеркивает необходимость теперь участия наместника в суде сотского, то Белозерская делает упор на другую сторону аналогичного явления, декларируя обязательное участие сотского (и «добрых людей») в суде наместника.

Итак, в первом приближении можно сказать, что в 70—80-х гг. XV в., в момент образования централизованного государства на Руси, пересеклись две линии развития местного управления и суда — новгородская, с преобладающей в ней ролью сотского, и московская, с преобладающей в ней ролью наместника. В новом едином государстве судебные функции сотского ограничены властью наместника, а судебная власть наместника ограничена участием сотского. Так по крайней мере выглядит в теории. А что было на практике?

¹⁶ ПРП. М., 1953. Вып. II. С. 162, 163, 165.

¹⁷ ГНП. № 77. С. 131.

¹⁸ ПРП. Вып. II. С. 258.

¹⁹ Там же. С. 218.

Ответ на этот вопрос чрезвычайно затруднен отсутствием источников. В литературе уже обращалось внимание на крайнюю бедность актового материала до середины XV в.²⁰ Не касаясь здесь причин этого явления, отметим, что и судебные акты до середины XV в. сохранились только как исключение. Актов, связанных с уголовными преступлениями (душегубство, разбой, татьба с поличным), а также с такими делами, как избивание, оскорбление действием, гражданскими исками о движимом имуществе, не сохранилось вовсе. Вполне возможно, что разбирательства фиксировались в письменном виде (по крайней мере в более позднее время), — соответствующая документация могла просто не сохраниться.²¹ По-видимому, они не представляли особой ценности и не подлежали длительному сбережению. Гораздо большее значение для обладателей имели грамоты на недвижимое имущество, в том числе и судебные акты, связанные с землей, — именно такие документы и хранились в архивах монастырей, основных фондообразователей русского средневековья. Однако и земельные сделки, и судебные разбирательства о земле для более раннего времени далеко не всегда фиксировались, а совершались устно,²² этим прежде всего и объясняется поразительная бедность наших архивов до второй половины XV в. Даже княжеские суды могли не сопровождаться письменным оформлением.²³

Таким образом, для выяснения вопроса о том, кто присутствует на суде, в нашем распоряжении только такие судебные дела, которые, во-первых, связаны с землей, во-вторых, в своем подавляющем большинстве не старше второй половины XV в. (т. е. в сущности не старше эпохи Ивана III — эпохи создания Русского государства).

До этого времени сохранилось считанное количество судебных актов. Единственный дошедший до нас судебный акт Господина Великого Новгорода относится, по мнению издателей, к первой четверти XV в. Суд по делу Власа Тупицына и жителей Княжеостровской волости судили два посадника и сотский. Никаких данных о присутствии на этом суде каких-либо мужей нет.²⁴ Единственный известный нам судебный документ, связанный с Господином Псковом, — правая грамота великого князя Александра и посадника Твердила.

²⁰ См., например: *Кобрин В. П.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 11, 163.

²¹ Псковская судная грамота, например, знает ряд разновидностей судебной документации: позовница (письменный вызов в суд — ст. 25), закладные грамоты (ст. 29 и др.), рядница (документ о торговом кредите с копей в городском архиве — ст. 38), приставная грамота (ст. 50), запись о долге (ст. 73, 93), запись о покруте изорника (ст. 84).

²² Об этом свидетельствует, на мой взгляд, ст. 9 Псковской судной грамоты, не знающая письменного земельного акта. См.: *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 113.

²³ Так, еще в третьей четверти XV в. князь Михаил Андреевич, разбирая спор о земле между белозерскими вотчинниками Внуковыми и Ушаком из Арбужевеси, дал им «срок словесный» для того, чтобы представить документы на землю и свидетелей. Судя по тому, что только по челобитью одного из истцов князь «вспамятовал тот срок словесный», документа о суде не существовало (*АСВР. М., 1958. Т. II. № 167. С. 102.*)

²⁴ ГНП. № 92. С. 148—149.

Независимо от того, кто был этот великий князь — Александр Невский или Александр Тверской, т. е. от того, относится ли эта грамота к XIII или к XIV в.,²⁵ она является документом княжеского, а не наместничьего суда и к вопросу, нас интересующему, прямого отношения не имеет.

В актовом материале Северо-Восточной Руси до начала XVI в. сохранилось около 150 судебных дел (около 10 % всего количества актов), но только не более десятка из них могут быть отнесены ко времени не позднее 60-х гг. XV в. Наиболее ранним судебным актом Северо-Восточной Руси является правая грамота великого князя Василия Дмитриевича Чудову монастырю (ориентировочно 1416—1417 гг.), сохранившаяся, по-видимому, в подлиннике, хотя и не вполне в исправном виде.²⁶ Интересно отметить, что на этом судебном разбирательстве присутствовало трое бояр — своего рода судебная коллегия. Следующая по старшинству правая грамота митрополита Фотия (12 ноября 1425 г.) не содержит никаких указаний на подобную коллегия.²⁷ Однако обе эти грамоты, отражающие суд высшей инстанции, прямого отношения к разбираемому нами вопросу не имеют. То же можно сказать и о правой грамоте князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю (игумен Трифон, в 1435—1447 гг.). В подлиннике этой грамоты нет никаких признаков судебной коллегии.²⁸

Значительно ближе к рассматриваемой теме правая грамота властям Чудова монастыря (архимандрит Феофан, примерно в 1448—1452 гг.) на земли на р. Вашке в Переяславском уезде.²⁹ На суде Михаила Федоровича, по-видимому наместника Переяславского (по мнению издателей, боярина Сабурова), присутствовало пять человек, в которых можно видеть судебную коллегия. По крайней мере двое из них, Дмитрий Васильевич Макшеев и Микита Александров сын Окороков, — скорее всего, феодалы вотчинники.³⁰

На рубеже 40—50-х гг. на суде Федора Васильевича, по-видимому наместника Суздальского (скорее всего, это Федор Васильевич Басенок, знаменитый воевода и боярин Василия Темного), о землях, спорных между Спасо-Евфимьевым и Рождественским монастырями, были три человека.³¹ В одном из них, названном с «вчем», можно предполагать феодала (некий Семен Семенович), другой, Семен Накваса, — местный вотчинник, владелец села Нового, завещанного

²⁵ Там же. № 348. С. 337—338. — Издатели ГИИ не исключают возможности датировать грамоту и XV в. — по имени князя Александра Ивановича (1439—1442 гг.). Однако этот тверской князь, «внук Ольгердов», как именует его псковский летописец (Псковские летописи. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 133), никак не мог называться «великим».

²⁶ АСВР. Т. III. № 31. С. 53—54.

²⁷ Там же. № 32. С. 54—55.

²⁸ Там же. Т. II. № 90. С. 54—55.

²⁹ Там же. Т. III. № 35. С. 58.

³⁰ Герман Александров сын Окороков, старец Чудова монастыря, в начале 50-х гг. дал в монастырь деревню на р. Вашке (АСВР. Т. III. № 39. С. 61).

³¹ АСВР. Т. II. № 450. С. 490—491.

им впоследствии в Спасо-Евфимьев монастырь,³² о социальной принадлежности третьего судебного мужа, какого-то Филиппа Покидыша, трудно высказать определенное мнение.

Два судебных дела предположительно датируются 50-ми—началом 60-х гг. В позднем неисправном списке дошла правая грамота съезжего суда Степана Запинкина, тиуна суздальского наместника Клементия Григорьевича, и спасо-евфимьевского старца Иева, представлявшего своего игумена.³³ На суде присутствовали шесть мужей, в том числе «в дворского место» поп Мелешко, городчик Андрей и попovich Олешко.

К самому началу 60-х гг. относится правая грамота (сохранившаяся в подлиннике), выданная властям звенигородского Саввина Сторожевского монастыря (игумен Евфросин) в споре с Крутицким монастырем (игумен Геласий). Дмитрий Давыдович (возможно, Морозов) судил суд по слову звенигородского князя Андрея Васильевича.³⁴ Суд включал два этапа. На первом этапе присутствовали три человека, в том числе сотский Иван Сергеев и дворский Ермак, на втором (когда тиун Сторожевского монастыря стал перед судьей «на сроце») — четверо других, в том числе сотник Угожской волости Обрам. Дело было решено в высшей инстанции — по докладу судьи самому князю.

Итак, насколько можно судить по единичным дошедшим до нас актам, на суде наместника первой половины и середины XV в. присутствовали судебные мужи в неопределенном количестве (три-пять человек); в число этих мужей могли входить местные вотчинники а также сотский, дворский, городчик и, возможно, местные крестьяне.

Актов 60—80-х гг. (предшествующих выдаче Белозерской уставной грамоты) гораздо больше: их насчитывается более двух десятков, что само по себе является важным фактом, свидетельством развития нового правила — письменной фиксации судебного разбирательства. Правые грамоты и судебные списки, как правило, еще не содержат даты, их можно датировать только по косвенным признакам, с точностью от одного-двух до десятка и более лет.

В первое десятилетие великокняжения Ивана III в Переяславском уезде судил суд Никита Васильевич Беклемишев (известный как первый русский посол в Крым). На его суде присутствовали четыре человека, из них один — «в дворского место».³⁵ Примерно в это же время в том же уезде состоялся съезжий суд великокняжеского судьи Василия Михайловича Обухова и Олферия Едигея, тиуна великой княгини Марии Ярославны. На этом суде было 11 человек, в том числе двое местных вотчинников, слободской и старостин сын.³⁶ На суде Семена Григорьева, тиуна великой княгини Марии Ярославны в Нерехотской волости, присутствовали пять человек, в том числе становщик.³⁷ По-другому выглядел состав «коллегии» на суде

³² Там же. Т. III. № 474. С. 512—513.

³³ Там же. Т. II. № 458. С. 496—497.

³⁴ Там же. Т. III. № 55. С. 84—86.

³⁵ Там же. Т. I. № 326. С. 235—236.

³⁶ Там же. № 340. С. 246—249.

³⁷ Там же. № 397. С. 288—290.

Ивана Васильевича (по-видимому, окольного Ощеры Сорокоумова Глебова), разбиравшего в середине 70-х гг. тяжбу Троицкого Сергиева монастыря (келарь Савва) с Малыгой, сотником Мишутинской волости Переяславского уезда, тут присутствовали только два человека. Один из них, Филипп Григорьевич Наумов, — явный феодал, служилый человек великого князя, другой — великокняжеский дьяк.³⁸ Отсутствие представителей местного населения связано, может быть, с тем, что одной из тяжущихся сторон был глава волостной администрации. Примерно в эти же годы в Московском уезде на суде Дмитрия Лазаревича Станищева, разъездчика великого князя, присутствовали три человека, в том числе великокняжеский посельский и кузнец (тяжущимися сторонами были троцкий старец и какой-то Михаль Дворянкин, возможно крестьянин великокняжеского села).³⁹

В Костромском уезде в 70—80-х гг. на суде Ивана Сухого были три человека, о социальном лице которых нельзя сказать ничего определенного.⁴⁰ Трое мужей были и на суде Федора Мансурова в Переяславском уезде.⁴¹

В середине 70-х гг. в Дмитровском уезде на суде Семена Васильева (вероятно, Беклемишева) «по слову великого князя» присутствовали пять человек, в том числе десятский и конюх и двое крестьян Кирилло-Белозерского монастыря (спор шел между этим монастырем и крестьянами черной деревни Фокинской, которые — с доклада великому князю — и выигрывают процесс).⁴² В Московском уезде в 60—70-х гг. на суде Карпа Ховралева, тиуна великого князя, были пять человек, в том числе сотский и десятский.⁴³ В том же уезде на суде Якова Шацевальцева в одном случае находились четыре человека, в другом — шесть; в обоих случаях присутствовал сотский.⁴⁴ Около 1472 г. в Дмитровском уезде на суде Якова Татищева были четыре человека, в том числе сын боярский и дворский,⁴⁵ в Суздальском уезде на суде Остафия Суцего в 60-х гг. — тоже четыре человека,⁴⁶ на суде Никиты Васильевича (возможно, Беклемишева) в том же уезде в 70-х — начале 80-х гг. — три человека.⁴⁷ В Звенигородском уезде в 60-х гг. на смешном суде тиуна княжеского наместника и тиуна Сторожевского монастыря были пять человек, в том числе дворский, москотинник и кожевник.⁴⁸

Как видим, в 60—70-х гг. прослеживается довольно стойкая тенденция: на суде низшей инстанции (наместника и его тиуна) присутствует судебная коллегия, по большей части включающая сотского,

³⁸ Там же. № 430. С. 318—320.

³⁹ Там же. № 431. С. 320—322.

⁴⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951. Ч. 1. № 249. С. 213—215; № 261. С. 233—235. — Далее: АФЭХ.

⁴¹ Там же. № 125. С. 115—117.

⁴² АСВР. Т. II. № 229. С. 149—152.

⁴³ Там же. № 370. С. 364—365.

⁴⁴ Там же. № 374, 375. С. 368—374.

⁴⁵ Там же. № 388. С. 391—393.

⁴⁶ Там же. № 463. С. 500—502.

⁴⁷ Там же. № 465. С. 504—505.

⁴⁸ Там же. Т. III. № 56. С. 87—88.

десятьского и других представителей населения, а также нередко и местных вотчинников — феодалов.

Суд низшей инстанции существенно отличается от княжеского, на котором представителей местного населения нет, зато, как правило, есть бояре, окольные, дьяки. Например, на суде князя Андрея Большого по поводу земель Бежецкого Верха присутствует двое его бояр.⁴⁹ На суде белоозерского князя Михаила Андреевича видим двух бояр,⁵⁰ на суде князя Юрия Васильевича о землях Дмитровского уезда — боярина и окольного,⁵¹ вне пределов Московской земли, на суде великого князя рязанского Василия Ивановича (1464—1482 гг.), — шесть бояр.⁵² В присутствии бояр судит суд и митрополит: у митрополита Геронтия на суде Кириллова монастыря с архиепископом Вассианом присутствуют двое его бояр.⁵³ Только в одном известном случае князь Михаил Андреевич судит без бояр.⁵⁴

Сам великий князь Иван III непосредственно судит суд о земле редко — за двадцать с лишним первых лет великокняжения дошли только две его правые грамоты. В обоих случаях на великокняжеском суде присутствуют бояре.⁵⁵ Гораздо чаще великий князь выступает в качестве судьи высшей инстанции, решая судебный процесс с доклада наместника.

Таким образом, к моменту выдачи Белоозерской уставной грамоты на практике существовала довольно четкая система судебного разбирательства. Суд первой инстанции судит наместник, или его тиун, или какое-нибудь должностное лицо «по слову» или «по грамоте» великого князя в присутствии коллегии судных мужей; число мужей может колебаться, но их не менее трех. В состав коллегии, как правило, входят такие представители местного населения, как сотский, дворский, становщик и т. п. Суд высшей инстанции — прерогатива великого князя, который выносит решение в присутствии своих бояр.

Основная масса судебных актов XV—начала XVI в. относится к последним двум десятилетиям великокняжения Ивана III, т. е. к периоду выдачи Белоозерской уставной грамоты и к последующим годам. Таких актов дошло в несколько раз больше, чем за все предыдущие десятилетия, вместе взятые. Резко возрастает и удельный вес документов судебного разбирательства (правых грамот и судных списков) в составе актового материала. Например, в архиве Троицкого монастыря за время до 80-х гг. XV в. подобные документы составляют менее 2 % (примерно 8 из 500), а за последующие 20 лет — около 25 % (38 из 160). Такое увеличение абсолютного числа и удельного веса судебных документов в составе феодальных архивов не может объясняться только техническими факторами (большей со-

⁴⁹ Там же. Т. I. № 447. С. 335.

⁵⁰ Там же. Т. II. № 188. С. 119.

⁵¹ Там же. № 387. С. 388.

⁵² Там же. № 364. С. 358.

⁵³ Там же. № 315. С. 279.

⁵⁴ Там же. Т. I. № 467. С. 352.

⁵⁵ Там же. Т. II. № 381. С. 377; № 464. С. 502.

хранностью архивов конца XV в. по сравнению с предшествующими периодами нашествий и смут, более тщательной фиксацией судебных решений и т. п.). Причины этого явления, вероятно, глубже. В настоящее время можно считать установленным тот факт, что именно на конец XV в. приходится пик социальной активности черных крестьянских общин, борющихся за свои земли. Именно в это время великокняжеская власть впервые в истории Руси принимает эффективные меры по ограничению роста монастырского землевладения и его привилегий и по охране черных крестьянских волостей от расширения феодалами.⁵⁶ Таким образом, причины роста числа судебных актов в конце XV в. носят в своей основе социально-политический характер — они связаны с общими процессами внутренней жизни возрожденной Русской земли. Именно в этом плане необходимо рассматривать и законодательные акты нового централизованного государства, в том числе и самый ранний из них — Белозерскую уставную грамоту.

Что фактически означала ст. 19 этой грамоты — введение новой судебной процедуры или фиксацию старого обычая, возводимого теперь в ранг закона? Ответ на этот вопрос в первом приближении дает таблица.

Мужи на суде в 1485—1505 гг.^a

Общее число мужей	Число случаев	Число случаев с наличием старосты, сотского, дворского, местных крестьян	Число случаев с отсутствием представителей местного населения
2	13	4	4
3	18	6	12
4	16	14	2
5	16	14	—
6	14	12	2
7	8	6	—
8	3	3	—
9	2	2	—
10	2	1	—
Больше 10	3	3	—
Итого	95	65	20

^a Составлена по материалам АСВР (т. I—III) и АФЗХ (ч. 1).

Таблица не претендует ни на точность, ни на полноту. В нее не включены недостаточно ясные случаи. Кроме того, далеко не всегда удается установить социальное лицо судного мужа и ответить на

⁵⁶ См., например: Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI в. М., 1974. С. 178; Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половины XVI в. Л., 1979. С. 126; Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость в центре феодальной Руси // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 100—101.

вопрос, кто он — представитель местного мира или приказной человек. Именно этим объясняется несовпадение итогов 2-й графы с суммой итогов 3-й и 4-й граф. Мужья, о которых нельзя достоверно сказать, что они феодалы или приказные люди, в большинстве своем являются, вероятно, крестьянами, и случаи их присутствия на суде следовало бы отнести к графе 3-й. Но и при самом осторожном подходе видно, что в подавляющем большинстве случаев суд наместника происходил в присутствии судебной коллегии в составе сотского, дворского и представителей местного мира — тех, кого можно отнести к числу «добрых людей» Белоозерской уставной грамоты. Такими людьми могли быть и крестьяне (видимо, в большинстве случаев), и дети боярские (сравнительно редко), и такие люди, как кузнец,⁵⁷ конюх,⁵⁸ а также посельский⁵⁹ и тиун⁶⁰ — мелкие должностные лица местных феодальных владельцев. В подавляющем большинстве случаев в коллегии входило от трех до шести человек, хотя встречаются случаи, когда судебных мужей десять и больше. Старосты фигурируют в 32 случаях, сотские — в 22, десятские — в 5, дворские (и «в дворского место») — в 13. В некоторых случаях в число судебных мужей входит по нескольку представителей местной волостной администрации.

Как видно из таблицы, довольно значительный процент судебных разбирательств на местах проходил без участия «добрых людей» из местного населения. Как правило, это суды не наместников (о которых только и говорит ст. 19), а писцов великого князя — ответственных представителей центральной государственной администрации. Эти суды обычно вершились писцами «по слову», т. е. по устному поручению великого князя (а не «по грамоте», как большинство других судов); на таком суде обычно присутствовали только «товарищи» писца — члены писцовой комиссии, в том числе подьячие, непосредственные составители описаний. По актам конца XV — начала XVI в. именно так судили писцы Василий Башина и Алексей Вокшерин в Бежецком уезде,⁶¹ князь Василий Иванович Голенин — в Московском (впрочем, на этом суде кроме «товарищей писца» присутствует еще и сотский),⁶² Заболотские: Василий Михайлович Чертенюк — в Дмитровском,⁶³ Константин Григорьевич — в Коломенском,⁶⁴ его брат Петр Лобан — во Владимирском,⁶⁵ Григорий Романович Застолбский — в Юрьевском и Костромском,⁶⁶ Иван Полиевктович Каменский — в Углицком,⁶⁷ Федор Федорович Липятин — в Воло-

⁵⁷ АСВР. Т. I. № 431. С. 320.

⁵⁸ Там же. № 642. С. 556.

⁵⁹ Там же. № 557. С. 433.

⁶⁰ Там же. Т. II. № 400. С. 405. — Тиун великого князя Оладья Шискарев выступает как представитель княжеской вотчины.

⁶¹ Там же. № 407. С. 424.

⁶² Там же. № 421. С. 457.

⁶³ Там же. № 406. С. 420.

⁶⁴ Там же. № 414. С. 443.

⁶⁵ Там же. Т. III. № 105. С. 141.

⁶⁶ Там же. Т. I. № 639. С. 551.

⁶⁷ Там же. № 581. С. 458.

годском,⁶⁸ Яков Дмитриевич Морозов — в Ярославском,⁶⁹ Василий Григорьевич Наумов — в Белозерском.⁷⁰ За редкими исключениями, суд писца не сопровождался докладом великому князю и тем самым приравнивался к суду высшей инстанции. Суды «по грамоте», напротив, по большей части докладывались великому князю (ясно, что здесь разумеются не вообще суды, а только суды о земле — других мы не знаем) и утверждались им. Таким образом, писцовые комиссии, разъезжавшие по русским уездам в 80-х, 90-х, 500-х гг., не только проводили описание земель и пересмотр земельных прав вотчинников (о такой стороне деятельности писцов свидетельствуют, например, акты Белозерского уезда), но и зачастую обладали особыми судебными полномочиями, пользуясь полным доверием великого князя. Все же остальные суды на местах судились, по-видимому, именно так, как было сказано в ст. 19 Белозерской уставной грамоты и как издавна повелось на Руси.

Итак, суд низшей инстанции с участием сотского, старосты, дворского и «добрых людей» — живая реальность русской жизни как до, так и после конца 80-х гг. — времени составления Белозерской уставной грамоты. Ее ст. 19, как позднее знаменитая статья Судебника 1497 г. о Юрьевом дне, не вводила принципиально новую норму, а превращала старое правило в закон, делала обычай обязательным институтом.

Это, однако, отнюдь не снижает исторического значения ст. 19. В развернутом и уточненном виде ее нормы повторены в Судебнике 1497 г.: «А боярам или детем боярским, за которыми кормление с судам с боярском, имуть судити, а на суде у них быти дворьскому, и старосте, и лутчимь людем. А без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити» (начало ст. 38). Превращение обычая в письменный закон, т. е. кодификация действующего права, — один из основных путей формирования юридических основ нового Русского государства. Сложившись на базе великого княжества Московского, на базе старой феодальной традиции Русской земли, оно с самого начала носило в себе элементы сословного представительства, те зерна, из которых выросла сословно-представительная монархия XVI—XVII вв. Широко известные и хорошо изученные реформы местного управления 30—50-х гг. XVI в. создавались не на пустом месте. Их предшественниками были статьи Белозерской уставной грамоты и Судебника 1497 г. о судебном представительстве местного населения, опиравшиеся в свою очередь на старую традицию неписанного русского права. На Руси, как и повсюду в Европе, участие представителей местного населения в судебных делах имеет корни многовековой давности.⁷¹

В дореволюционной, современной зарубежной, а отчасти и в советской историографии широко распространено мнение о тесной связи

⁶⁸ Там же. Т. II. № 306. С. 261.

⁶⁹ Там же. Т. III. № 221. С. 238.

⁷⁰ Там же. № 223. С. 241 и др.

⁷¹ См., например: Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси. С. 51.

и зависимости русского права от византийского. Основанием для этого мнения служат очевидные политические и конфессиональные связи двух великих православных государств средневековья, широкое распространение на Руси юридических сборников, имевших византийскую основу (Кормчие книги),⁷² возникшая позднее (в конце XV—начале XVI в.) теория московских книжников о Москве — «третьем Риме». Культурное влияние Византийской империи, реальной носительницы античной и раннехристианской традиции, на все православные государства Восточной Европы несомненно. Не вызывает никакого сомнения, что русское церковное право формировалось под сильным влиянием византийского, что византийская традиция сказалась на развитии древнерусской литературы⁷³ и изобразительного искусства.⁷⁴ Гораздо сложнее вопрос о степени византийского влияния на русское светское право.⁷⁵ В конкретных законодательных актах средневековой Руси можно проследить только слабые следы византийской традиции.⁷⁶ В частности, рассматриваемая в настоящей статье норма об обязательном участии представителей местного населения в наместничьем суде имеет, как мы могли убедиться, явно отечественное, а не византийское происхождение.

В эпоху возрождения Русской земли в XIV—XV вв. древняя империя переживала тяжелый кризис. Развитие феодальных отношений в поздней Византии приводило к крайнему ослаблению императорской власти, к росту сепаратизма, к самоуправству правителей областей.⁷⁷ Одним из проявлений кризиса был чрезвычайный рост церковных иммунитетов и расширение судебно-административных привилегий церкви. На последнем этапе существования империи власть церковных иерархов на местах зачастую была более ощутимой и эффективной, чем власть представителей гражданской администрации.⁷⁸

В это же время развитие Русской земли шло по пути возрождения и укрепления русской государственности, по пути усиления власти великого князя и политического значения связанных с ним инсти-

⁷² См., например: *Шапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

⁷³ См., например: *Дмитриева Р. П.* 1) Светская литература в составе монастырских библиотек XV—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. XXIII. С. 143—170; 2) Четыре сборники XV в. как жанр // Там же. 1972. Т. XXVIII. С. 150—180; *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси. М., 1903.

⁷⁴ См., например: *Лазарев В. Н.* Византия и древнерусское искусство: Статьи и материалы. М., 1978. С. 241—226; *Лихачева В. Д.* Искусство Византии IV—XV вв. Л., 1986. С. 299—300.

⁷⁵ Еще В. И. Савва отвергал это влияние на русский придворный этикет и посольский обычай (*Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1902).

⁷⁶ См., например: *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время. С. 66—68, 75—76.

⁷⁷ См., например: *Медведев И. П.* Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 23—49.

⁷⁸ См., например: *Максимович Л.* Византијска провинцијска управа у доба Палеолога. Београд, 1972. С. 184—185 и др.; см. также: *Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатии. Л., 1988. С. 138 и др.

тутов. Последние десятилетия XV в. — время образования единого Русского государства, кодификации русского права, решительного наступления на феодальные иммунитеты, упадка самостоятельной политической роли церкви. Юридическая основа возрожденной России складывалась на базе собственной традиции, о чем свидетельствует, в частности, и норма ст. 19 Белозерской уставной грамоты.

Г. М. ПРОХОРОВ

ДВЕ ГРАМОТЫ 1655 г.: ИЗ МОСКВЫ
В КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ОБРАТНО
(С ПРИЛОЖЕНИЕМ ДРУГИХ ДОКУМЕНТОВ)

В 1961 г., сообщая в нашей печати о славянских и русских рукописях Парижской национальной библиотеки, Л. В. Черепнин написал о хранящихся там «столбцах» XVII в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря: «Из других документальных материалов Парижской национальной библиотеки обращают на себя внимание столбцы Кирилло-Белозерского монастыря. Они содержат главным образом официальную переписку между различными центральными органами управления и монастырскими властями, касающуюся ссылки в монастырь лиц разных состояний за те или иные провинности. . . Помимо вопроса о ссыльных столбцы Кирилло-Белозерского монастыря затрагивают и другие темы. В них имеется материал, интересный для характеристики монастырского хозяйства. . . Некоторые столбцы касаются действия внутривотчинной монастырской администрации».¹

Французский историк В. А. Водов в рецензии на это сообщение Л. В. Черепнина выше всего в его обзоре оценил сказанное о кирилло-белозерских столбцах: «Самая интересная часть обзора Л. Черепнина это бесспорно та, которую он посвящает дипломатическим документам. А именно речь идет. . . о документах, происходящих из архива Свято-Кириллова Белозерского монастыря (рук. 68), касающихся ряда лиц, которые были там заключены в XVII в., и в более общем плане экономической истории обители (см. с. 226—230)».²

Кажется, с тех пор никто на эти кирилло-белозерские столбцы внимания не обращал. Работая весной 1989 г. в Париже, я имел возможность с ними познакомиться. Прежде всего мое внимание привлекли грамоты, имеющие отношение к Троицкому Устьшехонскому

¹ Черепнин Л. В. Славянские и русские рукописи Парижской национальной библиотеки: (Краткий обзор) // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 227—229.

² Vodoff V. Une description du fonds slave du Département des Manuscrits de la Bibliothèque Nationale // *Révue des études slaves*. 1963. T. 17. P. 131.